

みんな
違うから、
美しい。

AdelinaAn

Осака в снегу

Adelina An

Осака в снегу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42129082

ISBN 9785449655646

Аннотация

Небольшой и легкий роман о прелестях молодости – порой не лучшее, но увлекательное чтение. Большинство историй, образов персонажей этой книги были позаимствованы мной из реальной жизни, разве что обрамлены всегда манившей меня загадочной атмосферой Японии. Легко ли это вообще – становиться взрослым, отвечать за свои поступки и принимать последствия? Учиться полагаться на себя, адаптировать свою личность под суровые реалии «взрослого» мира? Ну, наверное, я до сих пор задаюсь этим вопросом.

Содержание

От автора	5
Нодока	6
I	6
II	21
III	34
IV	45
V	54
Канаме	71
I	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Осака в снегу

Adelina An

© Adelina An, 2019

ISBN 978-5-4496-5564-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я написала эту историю почти 10 лет назад, когда мне, как и ее главным героям, было примерно 17—18 лет. И сейчас я практически не редактировала текст, дабы сохранить этот особенный взгляд на мир, когда ты уже не подросток, но и полноценным взрослым пока считаться не можешь. Большинство историй, образов персонажей были позаимствованы мной из реальной жизни, разве что обамлены в этой книге всегда манившей меня загадочной атмосферой далекой Японии. Легко ли это вообще – становиться взрослым, отвечать за свои поступки и принимать последствия? Учиться полагаться на себя, мимикрировать, адаптировать свою личность под суровые реалии «взрослого» мира? Ну, наверное, я до сих пор задаюсь этим вопросом.

Нодока

*Теплый свет на ладонях, и в небо дорога легка.
Ты уходишь, а следом бредет неприкаянный
ветер.*

Ты уходишь один. В никуда. На рассвете.

Лишь на сердце зарубками счастье.

Качает рука

Колыбель отведенного времени, в городе снов

Облака стерегут тишину, вышивая на судьбах

Гладью.... Или крестом.... По канве,

Называемой сутью....

Л.Е.В.

I

Кучевые облака были белоснежными словно стадо овечек, испуганно сбившихся в кучу с приближением хищно гудевшего самолета. В круглое оконце я видела полумесяц берега, мелькавший кое-где меж полупрозрачных кружев, и море, приветливо переливающееся сине-серебристыми волнами. Конечно, было слишком высоко, чтобы разглядеть что-либо в воде или у берега, но мое податливое воображение уже рисовало картины набегающих на песок волн, лижущих краешек суши и превращающих золотистый песок в коричнево-красный. Мне даже показалось, что я ощущаю морскую

соль в воздухе. Глупо, ведь на борту самолета никак не может пахнуть морем. Когда прилетим, надо будет обязательно съездить на Окиनावу, а то я не успокоюсь: полгода я уже не была на море, с тех самых пор, как мы с мамой покинули Венецию.

Сестра, спавшая в кресле рядом, вздохнула, поворачиваясь во сне. На коленях у нее лежал какой-то журнал, и я взяла его, чтобы переложить на откидной столик. С обложки улыбалась какая-то модель с длинными светлыми локонами, а над ее головой разноцветными штрихами прыгали три иероглифа: Канаме всегда читала на японском, но я все же предпочитала литературу на латинице. Английский, итальянский, а затем и французский – все это было освоено за четыре года скитаний по Европе. Хотя мама назвала бы это переездами, или даже громче: *путешествиями*. Она очень любила срываться с одного места ни с того, ни с сего, моя мама. Хотя почему любила, все еще любит!

Для Клэр все места, где она проводила больше полугода, теряли весь свой блески и привлекательность, и она начинала тосковать. Впрочем, в Осаке она продержалась целых девять лет... Может, поэтому она не хочет туда больше возвращаться, даже со мной?...

Странная она, моя мать, но до жути хорошая. Если подумать, с ней было забавно: она всегда была такой веселой и смешливой, словно ей не тридцать девять, а как и мне, семнадцать. И она заботилась обо мне... Пускай не очень уж это

у нее и выходило, зато она старалась! Иногда это даже лучше. Я вовсе не хочу сказать, что из-за нее я выросла распущенной или еще какой, я довольно приличный человек! Серьезно, я очень *воспитанная*. Я ведь все-таки окончила школу в прошлом месяце, несмотря на все наши мотания.

Жаль, что Клэр так и не решилась составить мне компанию: отец бы обрадовался, он нас не видел уже много лет. Шикарный человек, мой отец: хоть они с мамой и в разводе, он ее обожает. Да и до развода он носился с ней, как курица с капризным золотым яйцом! Чего их так понесло потом, ума не приложу...

С отцом и с Канаме я постоянно переписывалась по электронной почте, и, наверное, только поэтому до сих пор еще не забыла японский.

Канаме, тихонько завозившись, проснулась:

– Нодока, – сонно позвала она, – уже прилетели?

– Нет, Кана-чан, еще нет. Поспи пока.

Она, свернувшись калачиком в кресле, снова тихонько засопела.

Хоть Канаме и старше меня, я все равно называю ее Кана-чан, как называла всегда.

Ей девятнадцать, но я никогда не воспринимала ее как старшую. У меня постоянно возникают сомнения, кто из нас старше, так безответственно она иногда себя ведет! Когда

Клэр объявила, что наотрез отказывается соваться в Японию ближайшие лет пять, и предложила, чтобы для моего эскорта прилетела Кана, я жутко возмутилась. Можно подумать, что я какой-то преступник, которого надо *эскортировать*. Но, в любом случае, я была очень рада сестре, ведь мы не виделись жуть как давно, и, хоть она и присылала мне свои фотографии и буквально заваливала меня мемуарами о своей «скучной» японской жизни, мне ее безумно не хватало. В аэропорту, когда она прилетела, я сразу же ее узнала, еще через стекло, отделяющее прилетевших от зала ожидания. Она совсем не изменилась, моя Кана-чан. Канаме гораздо больше походит на отца, чем на Клэр: то же круглое лицо, коричневые блестящие локоны ниже плеч, чуть вздернутый маленький носик и умные, озорные шоколадные глаза. Я никогда не считала японцев красивыми или даже просто симпатичными, но отец и Кана выглядели здорово!

Я же больше похожа на Клэр с ее европейской светлой кожей и медовыми волосам, огромными анимешными (по японским меркам) глазами, ультрамариново-голубыми, обрамленными густыми черными ресницами. Вообще-то, я вовсе не красавица, но безумно гожусь своими волосами. Они у меня до самого пояса!

Зато Клэр всегда была настоящей королевой, обладательницей смеси итальянской, французской и русской кровей. Кстати, наши с ней светлые волосы, скорее всего, родом из России.

Родилась она в маленьком итальянском городке Римини, Всегда солнечном и наводненном туристами. Кстати, мы жили в Римини почти год сразу после того, как уехали из Японии.

Родители развелись примерно шесть – семь лет назад, и мы с мамой сразу же покинули Осаку, где мы жили с отцом и Канаме до этого. Мой отец, Нагасаки Такума, до сих пор там живет. И уже скоро я с ним увижусь! Интересно, узнает он меня?...

«Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, через двадцать минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Осака» прозвучало сначала на английском, а затем и на японском. Вот и замечательно, у меня уже вся спина и задница затекла сидеть в этом кресле! Да еще и скучно, просто жуть! Лучше бы мы ночным рейсом летели, легче было бы вытерпеть эти пять часов, а так нас в два часа ночи разбудили, проторчали мы в этом дурацком аэропорту как два хрена на грядке часа три, и в итоге нам было обещано прибыть в Японию уже к часу дня.

Я, сперва сладко потянувшись, ткнула сестру в бок, и та, немного побарахтавшись, вскочила.

– Пристегнись, мы садимся! – сказала я ей, закручивая волосы в высокий хвост. Правда, отросшая челка все равно выпала вперед, сократив видимость до минимума.

– Ммм... Наконец-то! Я уже соскучилась по дому! Ты меня конечно извини, но там у тебя такая скука! – промурлы-

кала Канаме. – Дай-ка я взгляну на родные берега хоть через окно! – и она через меня потянулась к иллюминатору.

– Сядь и пристегнись! – смеясь, я отпихнула ее назад. – Через десять минут насмотришься.

Действительно, и кто из нас взрослый? Хотя на самом деле, мне тоже не терпелось, ведь я сейчас уже с большим трудом вспоминаю, как выглядит мой родной город.

* * *

Стеклянные двери с легким шипением скользнули перед нами в разные стороны, пропуская нас на залитую солнцем парковку перед аэропортом. Насколько я поняла, нас должны встречать: Кана-чан уже шарила по парковке беспокойным взглядом, ища кого-то. В следующую секунду ее лицо озарила счастливая детская улыбка, ее рука взлетела в воздух, а сумка, которую она несла, полетела на землю, но Канаме, срываясь на бег, этого даже не заметила.

– Ичи!!! – цокая каблучками, вся покрасневшая и растрепанная, она влетела в объятия своего парня. Эх, знали бы вы, как это мило выглядело...

Вот она уже тащит его ко мне, попутно подбирая с асфальта свою сумку. Я бегло окинула ее парня взглядом и пришла к выводу, что вовсе не такие уж японцы и страшенькие, ну, по крайней мере, не все: парень сестры был высок, темноволося, однако в чертах его лица не было той пухлости, округло-

сти и узкоглазости, которую я ожидала увидеть. В общем, я вынесла свой вердикт: он очень даже ничего. Темные джинсы, рубашка сине-черную клетку и кеды лишь приподняли его авторитет в моих глазах: я сама сегодня была одета в клетчатую юбку, серые кеды в цветочек и майку с Hello Kitty.

– Нодока, познакомься: это Ичиги, я тебе о нем рассказывала! – затараторила Кана, счастливо повиснув у него на руке. Как же, как же, я, наверное, могу даже пересказать историю их знакомства и его биографию, потому, что кроме как спать в самолете Канаме умеет еще и чесать языком.

– Ичи, – обратилась она к нему, – вот это она и есть – моя сестренка, Нодока! Тебе о ней я тоже рассказывала!

О, нет, похоже, он тоже уже в курсе обо всех моих детских похождениях! Поверьте, в устах Канаме фраза «я тебе о ней рассказывала» звучит действительно пугающе! Надеюсь, она не рассказала ему о том, как мы однажды поехали в поход, и там на меня напали муравьи...

– Очень рад встрече, Нодока-сан! – приветствовал меня Ичиги, отбирая у меня мою сумку и закидывая себе на плечо.

– Пожалуйста, не называй меня «сан»! – взмолилась я, чувствуя себя старухой, – ты ведь меня старше, если я не ошибаюсь?

– Ладно, Нодока-чан лучше? – улыбнулся он.

– Намного! – Я слегка покраснела. Нодока-чан! С ума сойти! Здорово звучит, а ведь в Европе мое имя никто даже произнести не мог!

– Эй, вы там, не флиртуйте! – пригрозила Канаме, ожидавшая нас у старенького вишневого Судзуки.

Загрузившись в машину, я сразу почувствовала прохладу: кондиционер? Неужели в таких старых машинах ест кондиционеры...

Канаме села впереди, рассказывая Ичиго о своих трех днях в Италии. Заурчал двигатель, и мы тронулись с места. Я сразу же придвинулась к окну и сдвинула стекло вниз почти до половины – меня обдало свежим летним ветерком. Мимо замелькали тучи изумрудной зелени, а слева даже на пару секунд из-за деревьев показалось сверкающее море. Я недоуменно заморгала:

– Разве аэропорт не в городе?

– Нет, – отозвался Ичиго таким тоном, что я заподозрила что-то неладное, – Он на воде.

– Что-о? – моя челюсть со стуком упала мне на колени. – Что ты сейчас сказал?!

Тот рассмеялся, видимо, довольный впечатлением, которое сумел произвести.

– Он в заливе на воде, а точнее, на пятикилометровом искусственном острове. И сейчас мы выедем с насыпи на шоссе...

Через секунду я полностью высунула голову из окна, и признаться, там было на что поглазеть: слева от дороги было видно море, а прямо там, в воде, возвышался гигантский аэропорт, весь сверкающий и переливающийся на солн-

це своими стеклянными куполами и хромированными поверхностями. К берегу вела узенькая, в перспективе не шире шелковой ленточки, дорога, с обеих сторон обсаженная деревьями.

– Круто... – я задвинула оконное стекло на место и откинулась на спинку сиденья.

– Нодока-чан, а где ты будешь жить? – спросил Ичиго.

– Эмм.. где?

Признаться, над этим я как-то не задумывалась... Отец, Нагасаки Такума, юрист, поэтому живет в маленькой квартирке в центре. Наверное, не стоит его стеснять своим присутствием...

– Она останется с нами! – заявила сестра. – В свободной комнате.

– В той, где ты хранишь своих кукол? – усмехнулся Ичиго, и Кана недовольно ткнула его в живот.

Мы въехали в черту города, и отовсюду нам навстречу поползли коттеджи, низкие многоквартирные дома, всюду запрыгали черточки иероглифов, дразнившие меня с указателей, вывесок над дверьми кафешек и магазинов. Для японца они, видимо, должны были нести какую-то информацию, однако для меня это все выглядело лишь симпатичными закорючками, ровно ничего общего не имеющими с письменностью. В японскую школу я ходила всего 2 года, и так и не смогла осилить сложную письменную речь. Позор, да

и только. Ну, да ладно, привыкну!

Красные ноготки Канаме покручивали громкость радио, и до меня донеслись аккорды ACDC – Highway to hell.

– Мне нравится ваше радио! – я довольно потянулась на заднем сидении.

– Да это не радио! – отмахнулась сестра, – Оно сломано давно. А это все Ичи со своими кассетами! – она показала мне коробку с кучей старых аудио-кассет, – Ты только посмотри! Black Sabbath! Helloween! Metallica! Сатанизм какой-то!

Я только посмеялась, мысленно одоблив выбор Ичиго.

Когда мы добрались до центра города, я высунулась в окно, жадно провожая глазами зеркальные двадцатиэтажки, сверкающие неоновые вывески, и, наверное, в этот момент я была очень похожа на собачонку, разве что слюни не пускала. Хотя, надо признаться, во всем этом присутствовал некий момент разочарования: мне так хотелось увидеть деревянные фасады и пологие крыши!

– Нодока, надо признаться, ты приехала очень вовремя. – произнесла Канаме. – Через пару дней начинается фестиваль Танабата¹!

– Фестиваль... – у меня в голове всплыли какие-то смутные воспоминания: кимоно, фейерверки, что-то про бам-

¹ Танабата – Фестиваль Звезд, проводится 7 июля. Согласно легенде, в эту ночь звезды Пастуха (Альтаир) и Пряжи (Вега), обычно разделенные Млечным Путем, встречаются. В ночь фестиваля японцы загадывают желания, пишут их на узких полосках бумаги – Танзаки – и развешивают на бамбуковом деревце.

бук...

Канаме закатила глаза:

– Неужели ты не помнишь?! Мы с родителями ходили на него каждый год!

Я удрученно покачала головой.

– На него надевают кимоно?...

– Юката² вообще-то. – поправила она и вдруг резко повернулась вокруг своей оси, глядя в окно:

– Смотри-ка, мы уже приехали!

Кажется, мы снова были на окраине города. Ичиги остановился напротив старого шестиэтажного дома из багрового кирпича, выглядевшего на фоне ярких радостных новостроек ветераном. Однако при этом дом внушал некое благоговение, настолько он потрясающе выглядел: даже у балконов были кованые перила!

Когда мы вошли, я увидела старую деревянную лестницу, красовавшуюся блестящими лакированными резными перилами, словно язвительно усмевавшуюся: «А лифта-то нету!».

Но, повздыхав немного, я вспомнила, что мою тяжеленную сумку тащит Ичиги, посему бодро промаршировала на шестой этаж первой.

– Наша – №23! – скомандовала Кана-чан, кидая мне ключ. Я не долго думая повернула его в старинном замке.

Как и во всех японских квартирах, комнаты начинались с кухни, и в данной квартирке кухня была объединена с го-

² Юката – летнее кимоно

стиной. Я вошла, припоминая традиционную фразу:

– Ojomoshimasy! – громко провозгласила я, переступая порог. После я посмотрела на Канаме, взглядом спрашивая, стоит ли разуваться здесь. Та махнула рукой:

– Разувайся, пол теплый.

Я, послушно присев, расшнуровала кеды, а затем, выпрямившись, оглядела комнату.

Комнатка была очень уютна: стены пастельных тонов, деревянная кухонная мебель под старину, два окна, под одним из которых стоял деревянный полудиванчик, заваленный подушками, перед которым разместился круглый стол, обступленный со всех сторон стульями. Под другим окном устроилась пухлая потертая софа в голубой цветочек, напротив нее, у стены – телевизор на низком столике, и, само собой разумеется, темные деревянные полы, натертые до блеска, в гостиной части комнаты были покрыты циновками, правда, и не совсем традиционными. Единственным по-настоящему традиционным предметом в комнате был котацу, стоявший перед софой. Из комнаты выходило четыре двери: три обыкновенные, деревянные, с круглыми блестящими ручками, зато четвертая – настоящие сёдзи.

Ичиго с моими вещами уже скрылся за правой дверью, но я все еще стояла, с упоением разглядывая сёдзи и котацу.

– Скромно, конечно... – сказала Канаме, оставляя свою сумку на столе и падая на диванчик. – Твоя комната вон та! –

она махнула рукой в сторону двери, за которой исчез Ичи.

«Моя» комната была просто невообразимо похожа на винтажные апартаменты французских отелей: белые стены, кровать с кованой рамой, две тумбочки по обе ее стороны, туалетный столик и небольшой белый платяной шкаф в стиле кантри с круглыми зеркалами на дверцах. А вот над кроватью, на резной полочке, мостилась дюжина фарфоровых кукол в цветных нарядах. Поймав мой взгляд, Ичиго усмехнулся:

– Можешь поиграть, только не разбей, а то Кана тебя порует!

Я закатила глаза: он что, совсем ребенком меня считает?! Захихикав, Ичи скрылся за дверью. Я еще раз посмотрела на кукол, затем на дверь, затем еще раз на кукол, и, не удержавшись, взобралась на кровать и сняла с полки крайнюю – синеглазую блондинку с румяными щечками, одетую в светло-сиреневое платье. Просто моя копия...

Без труда я отыскала среди кукол и близнеца Канаме – улыбающуюся милovidную куколку с темно-каштановыми локонами, в платье темно-зеленого цвета. Похожа, нечего сказать, даже глаза те же – блестящие, шоколадные...

Рядом с Каной – младшей сидел темноволосый мальчик в костюмчике морячка. Я даже тихо захрюкала от смеха, представив себе Ичи в таком же костюме, но, тем не менее, это – определенно он. Интересно, это случайность, что он сидит на полке рядом с Канаме?

Улыбнувшись, я придвинула их еще ближе друг к другу, И даже переплела им фарфоровые ручки. Зато «свою» куклу я усадила на тумбочку у изголовья кровати – пусть будет рядом со мной, Нодока-онэ-чан³...

Когда я вернулась в гостиную, Канаме снимала с плиты пухлый медный чайник с блестящими боками, а на столе уже были расставлены четыре чайные чашки.

– А четвертый кто? – спросила я, усаживаясь за стол.

– Познакомишься с нашей соседкой! – ответила Кана-чан, разливая чай по чашкам.

Тут в двери два раза повернулся ключ, и мы с Канаме синхронно обернулись на звук открывающейся двери.

– Мио-чан! – воскликнула Канаме. Вошедшая девушка как раз снимала через голову сумку-почтальонку, стряхивая на ходу балетки.

– Мио-чан, познакомься с Нодокой, я говорила, что она придет! – Кана-чан схватила девушку за руку и подтащила ко мне: – Нодока, это – Чидори Мио, наша соседка и подруга.

– Приятно познакомиться с вами, Чидори-сан!

– Просто Мио! – попросила она.

– Мио... сан.

Какая же она была симпатичная! Короткие темные кудряшки, пухлые губки, хитрые кокетливые черные глаза – все

³ Онэ – обращение к сестре, чан – к младшей, => получается Младшая Сестра Нодока.

было в ней настолько гармонично сложено и мило, что я невольно позавидовала.

Вскоре вернулся Ичиго с тортом, и мы вместе сели пить чай. Мио-сан села рядом со мной, много расспрашивала о том, как я жила до этого, смеялась и, в общем, была очень мила. Если честно, она мне понравилась.

Но затем я вспомнила об одной важной вещи, и спросила Канаме:

– Танабата через два дня, верно?

Та кивнула в ответ, толком не понимая, к чему конкретно я клоню.

– А на выходных после можно махнуть в Киото! – предложил Ичиго, – Нодока-чан, ты ведь хочешь?

Признаться, я страсть как хотела в Киото, но сейчас надо было подумать о чем-то чуть более важном.

– В общем, можно и в Киото... – задумчиво произнесла я, а затем, сделав глубокий вдох, наконец, спросила: – А успею я подать документы на экзамен в Осакскую Академию Искусств⁴?

⁴ Вообще-то, в Японии учебный год начинается весной, но в некоторых учебных заведениях иностранные студенты имеют право сдавать тестирование в удобное для них время, согласовывая его с подготовительными или языковыми курсами.

II

Ох, как же я ненавижу вставать по утрам, особенно после такой резкой смены часового пояса! Жуть, глаза просто не открываются...

Совершив над собой колоссальное насилие, я села на кровати, которая так нежно пахла лавандой и так манила лечь обратно. Ну уж нет, сегодня у меня слишком много дел!

Прихватив полотенце, я направилась в ванную. В гостиной, через которую пролегал мой долгий путь, Канаме с Ичиго бурно целовались на диване. И откуда у людей силы-то берутся, да еще и с утра пораньше?! Живут вместе, так им что, ночи не хватило?!

Мысленно бурча, я скрылась в ванной, которая судя по всему, была самой крошечной комнатой во всем доме: старинная ванна с пожелтевшей эмалью ютилась в небольшой нише, душ болтался прямо над зеркалом, стиральной машины не было и в помине. Я удрученно вздохнула: надеюсь, я смогу в этом тазу хотя бы вытянуть ноги.

Вымыв голову и расчесав влажные волосы, я перекинула их за спину: не буду ничего сегодня укладывать, все равно после сами завьются.

В гостиной Кана-чан уже расставляла на столе какую-то еду, и мое настроение сразу же поползло вверх, к отметке «отлично». Она такая заботливая, моя Кана, я ведь уже

и не прочь бы что-нибудь схоямчить!

Ичиго куда-то испарился, но его отсутствие меня сейчас мало беспокоило: мне же больше достанется! Канаме уже была одета к выходу: красная блузка, юбка на крупных пуговицах и черная лаковая сумочка через плечо.

– Сегодня мне ко второй паре, – объявила она, увидев, как я выхожу из ванной, – Так что нет у меня времени с тобой обзорную экскурсию по городу совершать!

Я удрученно кивнула, усаживаясь на полу-диванчик перед столом и придвигая к себе тарелку с онигири. Кана-чан рассмеялась, увидев, как я тянусь за палочками.

– Их вообще-то руками едят! – пояснила она, и вдруг подскочила: – Ой, я уже совсем опоздала!

Она заметалась по квартире в поисках своего телефона.

– Нодока! В конверте на столе, да вон в том, – затараторила она, увидев, как я тянусь к конверту, прислоненному к сахарнице, – В нем твоя новая симка, Ичи тебя вчера подключил. Я убегаю, поэтому к отцу тебя проводит Мио-чан. – тут она слегка притормозила у двери и смерила меня серьезным взглядом: – Еще не передумала насчет поступления?

Я отрицательно покачала головой, запихав за щеку онигири с черникой. Канаме вздохнула:

– Ладно, сегодня же подам твои документы.

О, я не говорила, что она учится в той самой Академии? Факультет искусствознания, это вам не шутки. Вот поэтому я так хочу туда поступить!

– Ладно, меня уже нет! – Кана-чан скрылась за дверью, а я кинула взгляд на экранчик своего телефона: девять – пятнадцать. Ну, еще везде успею!

* * *

Да уж, скажу я вам, путешествие по городу с Мио-чан тот еще аттракцион! Мало того, что она очень слабо представляла куда нам надо, так еще и стеснялась спрашивать дорогу у прохожих! И почему Канаме не предупредила меня, что это будет что-то вроде испытания?

В любом случае, предпочтительнее было бы сердиться на Канаме, ведь на Мио-чан сердиться совершенно невозможно!

И она нравилась мне все больше и больше: она была такой веселой, настоящей, с живой мимикой, и всю дорогу рассказывала мне какие-то истории про своих друзей, обещая познакомиться нас.

Когда мы наконец доехали до нужного дома, она, сунув мне проездной, вкратце объяснила, как ехать назад, и умчалась на работу.

Я очень ждала этой встречи с отцом, но одновременно с этим жутко нервничала. Поэтому, как только я увидела его, сразу же вежливо поклонилась:

– Рада встрече, ото-сама!

Его брови удивленно поползли вверх, а в следующую секунду он рассмеялся и потрепал меня по голове:

– Нодока, где ты этого нахваталась? Насмотрелась фильмов про якудзу?

Отец совсем не изменился с нашей последней встречи, в жизни бы не сказала, что ему тридцать семь: двадцать шесть – двадцать семи, максимум. Лицо все то же, молодое и симпатичное, черные волосы до плеч, блестящие улыбающиеся глаза стеклами прямоугольных очков в черной оправе, темный строгий костюм с белоснежной сияющей рубашкой, в общем – светский денди. Я даже подумала, что выгляжу странно на его фоне (а мы сидели в небольшом ресторанчике): он такой аккуратный, в деловом костюме, а я – в клетчатом сарафане и в кедах, да еще и волосы растрепаны.

Такума пил американо перед работой, расспрашивая меня о Клэр, о моей европейской жизни, о впечатлениях о Японии. Я весело улыбаясь, рассказывала обо всем, ведь я была счастлива: с ним все так же легко общаться, как и прежде.

– Так ты решила поступать в Академию искусств? – спросил он, доставая из пачки черную сигарету и щелкая зажигалкой. Втянув носом воздух, я почувствовала приятный вишневый запах, и, кинув взгляд на бардовую упаковку, прочла: Black Stones.

– А ты так и не бросил курить – укоризненно заметила я, щелкнув пальцем по пачке.

Такума усмехнулся:

– Это не так уж просто, знаешь ли! – он стряхнул пепел в хрустальную пепельницу и задумчиво добавил: – Мне кажется, ты сделала хороший выбор. Я всегда любил, когда ты рисовала...

Я зарделась от гордости: его признания я добивалась сильнее всего. Мне всегда хотелось, чтобы именно он наконец смог мною гордиться.

Докурив, отец взглянул на часы:

– Уже двенадцать, – заметил он, – Мне пора на работу. Прости, что так быстро. Увидимся еще? Заходите с Канаме как-нибудь...

Судя по всему, он так и не женился.

– Конечно, пап – я подхватила сумку, поднимаясь.

– Подожди еще секунду! – сказал он, доставая из дипломата конверт из плотной желтоватой бумаги, – Это тебе на мелкие расходы, раз уж так...

– Пап, не стоило...

– Глупости! Если ты не можешь жить со мной, то это единственное, что я могу сделать.

Он подошел ко мне, обнял и поцеловал в лоб.

– Я люблю тебя, дочка. Всегда помни это.

– Я тебя тоже, пап...

На обратном пути я все же не удержалась и разыскала банкомат. Наверное, зря я это сделала: я чуть не упала, когда увидела высветившуюся на экране сумму! Тысяча евро! Я

задохнулась – ничего себе, на мелкие расходы! На совсем ерундовые, так, чупа-чупс купить...

Я сняла с кредитки пару десятков, и сразу же обменяла их на японские йены. Перед тем, как ехать домой, я запланировала сделать пару покупок, раз уж так подвалило...

* * *

Так, а вот и то, что я разыскивала с таким упорством последние полтора часа! Пара иероглифистых закорючек злобно зависли над входом, словно посмеиваясь над моим невежеством, потому как понять, что в данном здании расположен книжный магазин я смогла лишь по выставленным на витрине книгам да по крохотной приписке внизу вывески – «Books». Внимательно изучив иероглифы на будущее, я вошла, звякнув колокольчиком.

Ух ты, я просто в раю! Правильный же магазин я выбрала: тут были книги и на японском, и на английском, и на каком только хочешь языке! А также куча постеров на чуть пошарпанных стенах, даже стенд с цветастыми винтажными пластинками. Медленно прогуливаясь меж стеллажей, я неторопливо ковырялась в книгах.

Остановившись у стеллажа с американской литературой, я обратила внимание на книгу в алой обложке, на которой золотом было витиевато оттиснуто «Дж. Д. Сэлинджер. Над

пропастью во ржи». Хм, довольно любопытно, если учесть, что я ее уже год как хочу прочитать, да вот все руки не доходят. Может, взять ее в японском переводе, чтобы быстрее иероглифы выучить?..

Наковыряв по всем стеллажам себе нужных книг, я обрушила увесистую стопочку на прилавок кассы. Хоть подборка и так себе (пару японско-английских словарей, две книги по истории искусств и Сэлинджер), куча выглядела устрашающе, и я уже представила себе в самой оптимистичной манере, как потащу это домой. Хотя, может они и не такие уж тяжелые?...

За прилавком никого не было, и я, облокотившись на него, стала ждать. Разглядывая кипы книг, валяющиеся в самом что ни на есть художественном беспорядке по столу, я заметила стоящий за стойкой кожаный чехол от гитары.

– Поступаете в Академию Искусств? – прозвучал приятный голос у меня за спиной. Обернувшись, я увидела симпатичного светловолосого парня примерно моего возраста, хотя, возможно, слегка старше. И кто говорил, что в Осаке мало иностранцев?! Этот парень ни в коей мере не был японцем хотя бы в пятом колене, ведь если у меня хоть что-то прослеживалось в круглом лице и пухлых щеках, то он был совершенным чистокровным северным европейцем. Или американцем, но тоже с севера... Волосы – очень светлые, почти как мои, глаза – совершенно нереальные, какие-то бирюзово-изумрудные, да и кожа почти такая же

бледная, как и у меня (хотя я всегда думала, что такая единственная вампирюка во всей Японии буду).

Тем временем парень по-хозяйски обогнул прилавок и, осмотрев книги, стал вносить их в базу данных на компьютере. Значит, он и есть продавец...

– Так я прав? – спросил он меня с улыбкой. Ох, улыбка у него просто чертовски обаятельная! А какие скулы...

– Д-да. – слегка покраснев, отозвалась я, – Но как вы поняли?

– Интуиция, наверное, – пожал он плечами, ничем не выдавая сарказма, обследуя толстую «Fundamentals of academic drawing» на предмет стоимости.

Я тем временем украдкой разглядывала его, и обнаружила, что одет он тоже довольно неплохо: белая рубашка с закатанными по локоть рукавами, галстук и черные кеды, правда, немного поношенные, но как раз в моем вкусе. К тому же, его светлые волосы спускались почти до самых плеч, и это послужило последним знаком к тому, что он – совершенно мой тип. Даже крупная татуировка на сгибе левого локтя, чуть выглядывавшая из-под рукава, мне нравилась: черные контуры веток дерева, вписанные в круг. Любопытно, учитывая негативное отношение японцев к тату⁵...

– Вы ведь не из Японии, верно? – снова спросил он меня, что, признаться, застало меня врасплох.

⁵ Раньше татуировки делали только члены якудза

– И это тоже правда... – нечленораздельно промямлила я. Неужели он и правда мной заинтересовался?! Затем, взяв себя в руки, ослепительно улыбнувшись, я произнесла:

– А вы ведь тоже приезжий, не так ли?

– Да, мне и правда пришлось жить некоторое время в Лондоне. – Отозвался он, что-то набирая на клавиатуре. Что-то долго, или мне просто кажется, что он тянет время?

– А вы откуда? Европа или все-таки Америка? – спросил он вдруг по-английски.

– Пожалуй, Европа, но конкретнее, скорее Италия, – ответила я тоже на английском. – А бывали ли вы когда-нибудь в Риме? – озорно улыбнувшись, я перешла на итальянский.

– Всего пару дней, проездом. – отозвался он, причем на чистейшем итальянском. Хм, такой же полиглот, как и я?

Ох, нельзя сейчас влюбляться, самое неподходящее время – это поступление. Нельзя, нельзя, нельзя!

Фух, кажется, я вовремя себя одернула. Тем временем продавец протянул мне мои книги, упакованные в бумагу. Я сразу же обратила внимание на его браслет: черный, с металлическими квадратными клепками. Мои глаза завистливо заблестели: вот бы мне такой!

– Может, согласишься составить мне компанию за чашкой чаю? – подмигнув мне, он перешел на ты. Я лишь вздохнула, мысленно рисуя картины того, как все идеально могло бы быть, если бы не это треклятое поступление. Нет, нельзя.

– Сколько? – спросила я каменным голосом, кивая на кни-

ги.

– Четыре тысячи семьсот, – немного обидевшись, ответил он. – Это значит «нет»?

– Вы правильно поняли меня. – Кажется, мой грустный голос выдал моё истинное мнение. Парень обнадежено улыбнулся.

– Но где и когда я увижу вас снова?

Я не удержалась от тихонького смешка: эта фраза словно сошла со страниц «Трех мушкетеров». Так, не обольщаться!

– Если судьбе будет угоден наш союз, она сама предоставит нам такой шанс! – обернувшись, произнесла я. Затем, срываясь на бег, я покинула магазин, который прощально звякнул колокольчиком мне вслед.

Ну, вот, как всегда я выхожу из ситуации полной дурой! А может быть, я просто неудачница?...

Интересно, а как бы на моем месте поступил бы кто-нибудь другой? Канаме, или Мио-чан? Уж они-то не оставили бы это просто так, точно обменялись бы телефонами, или что еще там делают, когда знакомятся... А Кана-чан уж точно сочла бы это знаком свыше!

Ну серьезно, почему я такая идиотка?! Ведь нет никаких причин для того, чтобы не познакомиться с ним! Фигня все мои отговорки!

Вернуться? Ну уж нет! По-глупому совсем, да и лишено всякой гордости!

Размышляя таким образом, я добрела да остановки.

Две остановки я проехала на автобусе (надо же было использовать проездной Мио-чан!), а до дома прогулялась пешком. Дело в том, что район, где живут Кана и Ичиго, находится на самой окраине и прилегает к порту. Поэтому там есть несколько пляжей, правда, для купания они закрыты – слишком уж много грязи от судов из порта.

Но меня, безумно соскучившуюся по морю, даже мутные, сине-зеленые воды залива, сходящиеся за горизонтом в одной точке, откуда выкатывались шумные, седовласые, пахнущие солью и ветром, волны, приводили в искренний детский восторг.

Перейдя через дорогу, я оказалась у пляжа, вход куда был перекрыт шлагбаумом с двумя белыми карявками на синем фоне знака. Судя по всему, это значило «проход воспрещен», или что-то в этом же роде, однако я притворилась неграмотной и не обратила на вывеску никакого внимания. Перекинув ногу через шлагбаум (при этом я старательно огляделась: как бы кто не увидел задравшейся юбки), я спрыгнула на песок с другой стороны. Вопреки моим ожиданиям, темный песок был вовсе не грязным и не тяжелым, и мои ноги сразу же ушли в него по щиколотку. Я, тяжело вздохнув, расшнуровала и сняла кеды. Осторожно ступая по песку, я поняла, что он был очень теплым и приятным. Когда я дошла до воды, мутная волна как-то несмело, словно стесняясь, осторожно лизнула мою ногу... В моих развеваю-

щихся волосах запутался соленый ветер, а волны уже резвее шевелились у меня под ногами...

– Нодока! Позволь спросить, ГДЕ ТЫ БЫЛА?! – Недовольно взвизгнула Канаме, едва я переступила порог, задорно помахивая кедями, которые держала в руке за шнурки. Смутившись, я неловко переступила с ноги на ногу, оставляя на полу песочные следы.

– Давай быстрее, дуй в ванную! – скомандовала Кана-чан, вооружившись шваброй, – И брось ты свой пакет, что ты его прижала к себе, как родной!

– Это книги! – я положила пакет на стол.

– Так тем более оставь! Намочишь еще... – Кана принялась заметать мои песочные следы, тянувшиеся до самой ванной.

Вымыв ноги, я снова вернулась в комнату, где Кана-чан уже снова стояла у плиты, а мои книги уже в распакованном виде лежали на столе.

– А где ты деньги взяла, Хоня-чан⁶?

– Мой отец совсем с ума сошел... – вздохнула я, садаясь за стол, – Знаешь, сколько он мне дал?

Канаме закатила глаза, видимо, припоминая какой-то личный опыт.

– Даже знать не хочу! Представляешь, когда мы с Ичи переехали, он полгода платил по всем счетам тайком от меня!

Она помешала мисо-суп.

⁶ Хоня – в переводе значит книжная полка

– Кстати, тебе посылка от Клэр! – бросила она, – Там, в твоей комнате.

Посылка от мамы занимала почти всю мою двуспальную кровать. Внутри было несколько одежных чехлов с прилагавшимся содержимым, мои краски, акустическая гитара (я с нежностью погладила черный деревянный бок) и ноутбук.

III

Утром перед фестивалем я проснулась часов около восьми, причем в полном одиночестве: в квартире не было ни души.

Еще вчера Кана-чан попросила меня с утра приготовить чего-нибудь на предмет пожарить с утра. Я тогда не решилась признаться, что не умею готовить, надеясь, что она это не всерьез. Однако теперь отступать уже, видимо, некуда...

Часов до двенадцати я ковырялась у плиты, пытаюсь создать нечто, что не прикончило бы счастливых едоков. Надо признаться, что это мне удалось лишь благодаря предусмотрительности японцев: я нашла какую-то кулинарную книгу, где весь процесс приготовления описывался в картинках (что-то вроде комикса об удивительных похождениях тефтели в супе). И в итоге всех моих манипуляций к половине второго, когда Канаме наконец явила лучезарную себя моему истосковавшемуся взору, на столе уже стояли тарелки с едой, поражавшие своим разнообразием даже меня саму.

– Вау! Я не знала, что ты умеешь готовить эби тяхан⁷! – Восхитилась Кана-чан.

⁷ Блюдо, сходное с пловом. Варёный рис обжаривается на масле с кусочками рубленой свинины, куриного мяса, яиц, овощей или морепродуктов. В название блюда в общепите добавляется уточнение, указывающее на основной (помимо риса). Эби тяхан – с креветками

Я довольно зарделась, гордо подбоченившись:

– Это еще что! Пустяк!

Сразу же после появления Каны-чан вернулся Ичиго.

– На улице просто жуть что твориться! – пожаловался он, заваливаясь на диван с банкой пива. – В такую жару у меня голова просто раскалывается! – Он демонстративно приложил холодную жестяную банку к многотрадальной голове. Канаме, сооротив свое любимое саркастично-циничное выражение лица, хмыкнула:

– Ну, если Танабата пройдет так же, как Ямабираки⁸, то твоя голова будет болеть после еще как минимум неделю!

Ичиго недовольно скосил на нее глаза:

– Это если Кэй появиться!

– Появиться, еще как! Да ему только повод дай! – Канаме тихо посмеялась, а во мне вспыхнуло дикое любопытство: кто такой этот порочный Кэй-кун?

– Кэй-сан? – усмехнулась Канна-чан, когда я задала свой вопрос. – Это нечто! Сама увидишь!

Ну вот, теперь мне, собственно, стало еще интереснее!

Ичиго, не вставая с дивана, выудил из кармана пачку и щелкнул зажигалкой.

– Я же просила тебя не курить в гостиной! – возмутилась Канаме, демонстративно отступая назад и помахивая рукой у себя перед лицом, якобы разгоняя дым, который еще даже

⁸ Ямабираки – фестиваль 1-ого июля, празднование открытия сезона восхождения на Фудзи.

не появился.

– Я и так два дня держался из-за Нодоки-чан! – огрызнулся Ичиго, делая тягу. До меня донесся приятный запах вишни: неужели опять Black Stones?

– Я вообще-то думала, что ты бросаешь. – сказала Кана-чан.

Ичи закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

– Давно бы бросил, если бы мог.

Тем временем раздался звонок в дверь: он пискляво и как-то по особенному противно оттарабанил Баха, и это навело на мысль, что такие дверные мелодии были изобретены исключительно для того, чтобы дверь открывали побыстрее.

– Хоня-чан, открой! – бросила Канаме, – Должно быть, это Мио-чан.

– НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ТАК!!!

– А вообще-то Хоня-чан мило звучит. – Ичиго предательски усмехнулся. – Отныне я тоже так тебя называю!

Горестно вздохнув от осознания того, что я невольно приобрела новую кличку, я поплелась к двери. Вообще-то Хоня-чан – это и правда миленько... Хорошо хоть они меня «Хачико⁹» не зовут...

Звякнув дверной цепочкой, я застыла от неожиданности: к нам пожаловала вовсе не Мио-чан.

– О, привет Имото-чан¹⁰! – Бросила мне высокая сим-

⁹ Хачико – типичное прозвище для домашнего питомца, например, собаки

¹⁰ Имото – дословно переводится как «чужая сестра». В данном контексте об-

патичная девушка, после чего не потрудились пропихнуться в квартиру. Вошедший за ней следом парень виновато посмотрел на меня, словно извиняясь за невежество своей спутницы, и слегка поклонился мне в знак приветствия.

– Давно не виделись, Ичи-сан, Кана-онэ-сама¹¹! – Девушка бесцеремонно опрокинулась на диван рядом с Ичиго требовательно протянула руку вперед. Ичи со вздохом опустил ей на ладонь пачку Black Stones.

– Они крепкие! – предупредил он ее.

Девушка ничего не ответила.

Я тем временем незаметно рассматривала её, и надо признать, пришла к нелестным для себя выводам: она была необычайно красива, гораздо симпатичнее меня самой. У меня и так самооценка не слишком высока, а когда мне попадаются такие вот красивые люди, я сразу же начинаю нервничать и завидовать.

Как только я ее увидела, первой ассоциацией у меня была Шакира с азиатским разрезом глаз. Эту девушку от Шакиры отличал лишь цвет волос: густо-рыжие, местами каштановые волосы спускались ниже талии.

Девушка перевела на меня взгляд своих темно-янтарных глаз, и они слегка расширились, словно от удивления.

ращение к Нодоке.

¹¹ Онэ-сама – обращение к старшей сестре. В данном случае используется просто как шутка.

– Ичи, почему ты не представишь нас сестре Каны-сан? – Капризно спросила она, отряхивая пепел в пустую банку из-под пива, которую оставил на диване Ичиго.

Я жадно смотрела на Шакиру, явившуюся мне, словно стараясь научиться от нее чему-то тому, что заполняло все пространство вокруг нее, витало в воздухе и проникало внутрь каждого, кто говорил с ней, или хотя бы глядел на нее... Какие же у нее медлительные, плавные жесты, а как она сидит, закинув ногу за ногу, слегка покачивая кончиком туфли...

– О, точно. – Ичиго повернулся ко мне, – Хоня-чан, познакомься – это Манами-химе¹², наша вокалистка! – Ичи скорчил вредную физиономию.

– А это ее брат, Каору Сакаи, по совместительству наш гитарист! – пояснил он уже безо всяких кривляний, кивнув на парня, который пришел с Шакирой, о, пардон, с Манами.

– О.. Очень приятно познакомиться! – я сделала шаг в его сторону, но запуталась в собственных ногах и едва не ткнулась носом в пол. Надеюсь, это можно замаскировать под поклон...

Когда я подняла глаза на парня, он улыбался. Не решусь сказать, что именно его позабавило: то, что европейка всеми силами пытается соблюдать традиции, или же все-таки мое лицо, когда я едва не навернулась.

– Мне тоже очень приятно познакомиться, тем более что

¹² Химе – принцесса

Канаме мне уже все уши прожужжала о тебе. – сказал он мне.
– Они с Канаме учатся вместе, на втором...

Я уже не слушала Ичиги, а во всю глазела на парня. Ох, и когда же я отучусь от этой привычки так откровенно глазеть на незнакомых людей?...

Переводя взгляды с брата на сестру и обратно, я пришла к выводу, что они все же слегка похожи. Лица у обоих симпатичные, и совершенно не японского типа. Или я уже просто привыкла?...

Каору был выше сестры и уж точно выше меня, на нем была черная рубашка, потертые джинсы, а у входа я разглядела черные кеды (ну конечно, куда же без них). Волосы... Хм, рыжие, но почти русые, в общем светлее, чем у сестры. Как-то одна моя смешная подружка из Италии сказанула, что ей нравится, когда «у парня сзади все стоит». Так вот ей бы понравилось...

Вместо того, чтобы рассесться вокруг круглого стола, на котором Канаме уже заботливо расставила мои шедевры, все предпочли разместиться на полу вокруг котацу, на который уже после и перекочевала вся еда. Манами сидела, потурецки скрестив ноги, и покуривала уже какие-то свои сигареты, разносившиеся по комнате совершенно незнакомым мне запахом. Кана-чан в то же время перетаскивала на столик тарелки с яствами, а Ичиги, разместившись на полу рядом с «Шакирой» во всю ковырялся в принесенных ими пакетах. Я тоже присела на пол, прислонившись спиной к дива-

ну, мучимая мыслями о том, что неплохо было бы уже и схмячить чего-нибудь. Каору присел рядом со мной.

– Ты будешь поступать в Академию искусств? – спросил он меня.

– Ну, хотелось бы попробовать...

– Ты рисуешь, или играешь на чем-нибудь?

Я почему-то не очень адекватно среагировала на этот вопрос: как-то непроизвольно поежилась. У меня всегда так – ну не могу я так просто и откровенно разговаривать с парнями, не краснея при этом и не пропуская слова. Может, поэтому я еще ни с кем по-настоящему не встречалась? Позорище какое-то, а ведь семнадцать лет уже...

Каору тихо посмеялся, видимо, прикидывая, какая же бурная мыслительная деятельность происходила у меня в голове в тот момент, когда я замерла и тупо уставилась на край стола.

– Расслабься ты, это не допрос. Мне просто интересно.

Я с трудом вспомнила, что он у меня спросил.

– А, это... Рисую я немного....

Ичиго извлек из пакета две бутылки красного вина и со стуком обрушил их на стол.

– И кому из вас продали? – спросил он тоном следователя, переводя пристальный взгляд с брата на сестру. – Наверное, Мане-сан! Эх, а про пиво забыли...

Так мы и сидели: болтали о чем-то, потягивали вино и курили. При этом я вдруг почувствовала себя совершенно

взрослой и состоятельной, если вы понимаете, о чем я. Вот сидим мы так, и никто и слова нам не скажет, что мы еще маленькие пить полусладкое... С Клер точно бы начался спор или что еще похуже. Ну не верит она мне, что я в состоянии отвечать за свои действия!

Примерно через полчаса из прихожей опять раздалась та самая противная мелодия, от которой меня скоро совсем воротить начнет. На этот раз никто не подумал послать к двери в качестве швейцара свою верную собачку Хачико. То есть Хоню.

Канаме открыла сама.

– О, наконец то! У Кэй-сана и правда особый нюх на спиртное!

Но вместо загадочного Кэй-сана в гостиной оказалась Мио.

Чтобы все-таки рассмотреть этого Кэй-куна, я изогнула шею и выглянула в прихожую. Первое, что я там увидела, это черный чехол от гитары, прислоненный к стене. Сердце предательски екнуло... да нет. Следующим уже попал в поле моего зрения невысокий коренастый парень, который как раз расшнуровывал стилы. И как ему не жарко, на улице под тридцать...

Когда он вышел на свет, я наконец смогла оценить его внешние данные.

Кэй был достаточно низкорослым (по сравнению с Каору), волосы его были такого иссиня-черного цвета, что казались

невозможными даже для японца и наводило на мысль, что он их красил. Художественный беспорядок на голове выглядел очень по-панковски, и сей образ только дополняла черная майка с надписью «Kiss».

– Привет-привет! – он помахал мне рукой и плюхнулся рядом с Манами. – Есть книжки? – обратился он к ней.

Мои брови удивленно поползли вверх: какие книжки? Это что, новая шутка по поводу моей клички?

– Как видишь. – Мана затушила вторую сигарету, скуренную только до половины, о край пепельницы, которую предусмотрительно принесла Кана-чан. Потом она заметила мое искреннее недоумение и рассмеялась.

– Понимаешь, это такая забавная штука, о которой только мы и знаем, – пустилась в объяснения Кана-чан, – Придуманная еще когда мы все в школе учились. В школе ведь запрещено курить, поэтому, чтобы открыто разговаривать об этом, или, к примеру, сигарету попросить, мы говорим не «курить» а «читать». Ну и «сигареты» – это, соответственно, «книжки».

Я тихонько захрюкала от смеха: представила себе учителя, с умилением глядящего на учеников, беседующих о книгах, гордого от того, что он смог воспитать в них любовь к чтению.

Кэй закурил и налил себе вина в стакан с клубничками.

– Надолго ты в Японию? – спросил он меня.

– Ну, пока да...

Ох, оказывается, у него еще и губа проколота, вот только с сережкой что-то странное...

– А, это. – Он усмехнулся, проследив за моим взглядом. – Пробил недели две назад, и сразу же посеял сережку. Теперь вот только с штырьком торчащим хожу, чтоб не заросло.

– А новую купить? – поинтересовалась я.

– Ну, если кто денег одолжит...

– Я бы одолжила, лишь бы ты перестал таким позорищем ходить! – Манами постучала ему по голове стаканом с вином. – Мне уже перед случайными прохожими стыдно!

О, так они встречаются! Как мило, красавица и чудовище... Или лучше демон и его поющая принцесса?...

Мы выпили еще вина, Кэй рассказал мне пару забавных историй о том, как мои новые знакомые обычно проводят праздники, при этом упорно называя меня Хоня-чан и не реагируя ни на какие мои возмущенные протесты. Наверное, мне нужно просто свыкнуться с этим...

Все только закончили смеяться с истории о том, как однажды на рождество Кэй разлил на ковер в доме родителей Мио водку, и, чтобы не осталось запаха, стал тереть ковер куском киви. Ух, правда, чумовая история! Давно я так не смеялась.

Тут из прихожей послышался тихий стук в дверь.

– О, это точно Лайт. Только он никогда не звонит в дверь, а извращается подобным образом! – Ичиго выжидательно

повернулся ко мне: – Хоня-чан, не откроешь?

– МОЕ ИМЯ НОДОКА!!!!!!

Никто как обычно не обратил на это внимания, и я, угрюмо вздохнув, поплелась к двери. Ну я вам это еще припомню...

– Как там его зовут? – протянула я, ни к кому в особенности не обращаясь, – Лайт? А бога смерти там с ним случайно нет? – сама пошутила, сама поржала, как всегда.

Но когда я приоткрыла дверь, мне стало еще смешнее (наверное, это был какой-то нездоровый истерический смех), потому что я мгновенно узнала сначала черные кеды, затем рубашку с красным галстуком, а потом тату и супершикарный браслет. В общем, вот: чудеса да и только....

– Ну, привет, Лайт! – я выпалила это прежде, чем сообразила, что на меня сейчас все смотрят.

– О... Здравствуйте, давно не виделись! – подыграл он мне. – Прямо со вчерашнего дня...

– Не желаете ли присоединиться к нашей дружной компании, принять, так сказать, немного вина?

– Да что вы, я тут просто совершал небольшой променад вокруг вашего дома, а тут так перегаром с шестого этажа запахло...

– Лайт, кинь-ка мне зажигалку, а то моя сдохла! – крикнул Кэй из гостиной. Неужели нас никто не услышал?...

IV

– Хоня-чан, какая же ты хорошенькая в юката! – умиленно восклицал Кэй, прыгая от восторга вокруг меня.

– Не стоит мне так льстить, Кэй-сан! – Мне было слишком непривычно слышать от кого-то, что я миленькая.

– Странная вещь, – протянула Мио-чан, завязывая пояс Канаме, – Он из нас самый старший, а ведет себя как совершенный ребенок!

– Мио-химе, можно мне тоже надеть юката, – подскочил Кэй к ней, – Чтобы ты тоже мне его так завязала?

– Не выйдет, этим узлом завязываются юката незамужних девушек. – посмеялась Кана-чан.

– Ну тогда наверное не стоит...

Я оглядела себя в зеркале: наверное, небесно-голубая ткань мне и правда идет...

– Ну-ка в темпе, уже стемнело! – Ичиго глянул на часы. – Так ты, Хоня-чан, говоришь, что знаешь нашего басиста?

Речь, судя по всему, о Лайте.

– А, я его видела в книжном магазине.

– Что за удивление? – Лайт валялся в кресле, что-то наигрывая на электроухе Кэя. – Я, кажется, говорил, где работаю.

– Включи ее в усилитель, Эйнштейн! – посоветовал Кэй, который, по-видимому, бережно относился хотя бы к своей

гитаре.

– Да ну, в лом тащить его из другой комнаты...

– Готово! – провозгласила наконец Мио-чан, довольно оглядывая красиво завязанный пояс Канаме. – Можем идти смотреть фейерверки.

Я отчетливо, в мельчайших деталях, помню наш последний фестиваль. Мне тогда было лет девять, может, даже меньше. Я помню набережную, ослепительно сверкающую в огнях бумажных фонарей, такую счастливую, улыбающуюся маму, отца, зажигающего Кане-чан ханаби¹³. Помню и себя, боящуюся взять горящую палочку в руки, Канаме, ничуть не опасующуюся этого, весело пытающуюся ткнуть мне ханаби в глаз. Помню вопрос отца:

– Но-чан, почему ты не хочешь попробовать? Это же весело!

– Мне страшно. Я же обожгусь! – был мой ответ...

– Хоня-чан, ханаби? – Лайт уже зажег его Мио, и теперь та, звонко смеясь, размахивала огоньком вокруг себя, метая повсюду шипящие искры и восклицая «Я – Девочка Молния!»

Одна искорка упала мне на руку, и я испуганно вздрогнула, хоть ничего и не ощутила.

– Нет, пожалуй... – неуверенно проямлила я.

– Все еще боишься? – Издевательски рассмеялась Канаме.

¹³ Ханаби – бенгальские огни

Очень мило с ее стороны это припомнить!

Глядя на мир вокруг, преобразившийся и словно очищенный в сиянии и безумстве, я мысленно возвращалась в детство, почти забытое, с его неуловимыми, выпавшими из памяти, но такими важными моментами, с его яркими вспышками чувств, с его милым наивным мироощущением, со всем тем, что давно исчезло навсегда, и поэтому является еще более желанным.

А все, что окружало меня теперь, так неуловимо походило на все то, что было в детстве, что меня окутало чувство дежавю.

Дом Каны и Ичиго стоял чуть поодаль от других домов района. Возможно, раньше вокруг были еще строения, но, скорее всего, они были уничтожены во время войны. От набережной он был отделен узкой асфальтной дорогой (по которой на моей памяти не проехала еще ни одна машина), и небольшим зеленым холмом, поросшим отцветающими одуванчиками, от которых уже остались лишь пара пушистых шариков в тени старых тополей. На этом холме мы и расположились, ведь, как нам пообещала Канама, с него открывается лучший вид на фейерверки.

Под нами утопала в огнях набережная, вдоль которой растянулись лотки с едой, сувенирами и прочей дребеденью, заполненная людьми в разноцветных юката, жгущих ханаби, весело о чем-то болтающих и смеющихся. До меня доноси-

лись запахи жареной рыбы, рамена и еще чего-то приторно-сладкого и до боли знакомого. А за набережной, залитой светом, простирался заброшенный пляж, тот самый, на котором я приветствовала море.... Он словно был отделен от сияющей набережной темной полосой и утопал в густой тени, изредка вспыхивающей отблесками огоньков, отражавшихся на набегающих волнах...

Рядом со мной опустился Каору.

– Я никогда раньше не задумывался о том, как здесь может быть красиво... – произнес он, проследив за моим взглядом.

Я не знала что ответить, ведь и так совершенно ясно, что я согласна с ним.

Первая небесная вспышка ярким алым светом озарила наши улыбающиеся лица. Каждый улыбался чему-то своему, и я тоже улыбалась, но при этом совсем не думала: я просто была счастлива.

Вторая вспышка, третья, четвертая... Синяя, желтая, фиолетовая, снова красная... Лайт по другую сторону от меня откинулся назад, закинув руки за голову, лег на влажную траву, покрытую белым одуванчиковым пухом. Странно, я думала, что одуванчики уже давно отцвели. Может, эта поляна задержала их специально для нас?...

В небе взорвался и рассыпался на миллион крошечных искр гигантский сине-розовый цветок, и сразу же сменился звездопадом белых комет. Странно, но в такие моменты на меня всегда находят мысли о том, что я... одинока. Да,

людей вокруг меня много, но со временем они все исчезнут, и я могу остаться совершенно одна. Скорее всего, я многим из них и не нужна вовсе.

Кана-чан... Даже она не останется со мной навечно.

Нет! Нельзя думать о таких вещах в такие прекрасные мгновения! Надо сохранить их в своей памяти чистыми ото всех дурных мыслей...

Вокруг стояла тишина, прерываемая лишь хлопками взлетающих в ночное небо огней. Казалось, все приостановило свое движение, даже машин не было слышно.

Лайт, лежавший на траве рядом со мной, тихонько вздохнул, но я это услышала. Украдкой взглянув на его озаренное белым светом лицо, я подумала, что он и правда очень красивый. Наверное, это судьба. Ну, то, что мы снова встретились...

Изумрудная вспышка, голубая, сиреневая...

Интересно, могла бы я в него влюбиться?

В небо взлетела последняя алая искра, и фейерверк прекратился. Еще минуту после этого все вокруг находилось без движения: люди на набережной все стояли, замерев в неподвижности, глядя в опустевшее, словно осиротевшее небо.

– В такие минуты кажется, что наша жизнь – как эти фейерверки: прекрасна, но коротка... – прошептал Каору, посмотрев на меня.

– Возможно... Но я не хотела бы ее продлевать. Если жи-

вещь очень долго, то все теряет свою привлекательность. Самое запоминающееся удовольствие – это то, что было оборвано на пике.

Лайт, прислушавшись к нашему разговору, тихо усмехнулся:

– Да, коротка... А посмотрите, как мы ее проживаем...

– Smoking days like cigarettes... – Протянул Кэй, голова которого лежала на коленях у Манами, и который жмурился, как сытый кот, когда та поглаживала его по волосам.

– Хотела бы я увидеть этот океан зимой... – вздохнула я, опуская подбородок на подогнутые коленки. – Это возможно?

– В Осаке почти не бывает снега. – ответил Каору.

– Жаль. – мне действительно хотелось посмотреть на заснеженный пляж, понаблюдать за волнами, уже не изумрудно-синими, а серо-стальными, медленно, словно обленившись за зиму, лижущими край берега...

Это желание было навеяно фильмом, который я посмотрела буквально перед отъездом. Называется «Eternal sunshine of the spotless mind», что дословно переводиться как «Вечное сияние чистого разума». Не знаю, как вам, но, по моему, на английском звучит гораздо лучше. Вообще, мировой фильм! О том, как двое влюбленных однажды поссорились и решили стереть друг друга из памяти. Обратились к какому-то сомнительному доктору, и он каким-то стран-

ным научно-фантастическим способом стер им воспоминания. Однако в процессе стирания эти влюбленные поняли, что не хотят потерять эти воспоминания, но было уже поздно. Правда, закончилось все хорошо: они вновь встретились на том же заснеженном зимнем пляже, где и познакомились, и все началось заново. Просто чума, а не фильм! Конечно, не все поймут его, потому, чтобы оценить смысл, нужно досмотреть до самого конца. Сначала даже мне он показался жутким бредом...

Когда мы шли назад к дому, я брела позади всех, ориентируясь на юката Мио-чан, которое красным пятном расплывалось перед моими глазами. Наверное, вино все же ударило мне в голову...

Рядом с Мио шел Лайт, и они о чем-то тихонько разговаривали. Еще дальше – Каору в гордом одиночестве, а возглавляли процессию Кана-чан и Ичиги. Ах, да, совсем забыла о Мане и Кэй-сане, которые в обнимку плелись где-то совсем позади меня.

Как именно мы дошли до дома, я помню плохо. Дома мы выпили еще, после чего Ичиги приволок из своей комнаты усилитель, к которому и подключили гитару Кэй-куна.

– Ну, что играть будем? – деловито спросил Каору, перекидывая ремень через плечо.

– Можете что-нибудь из Nirvana? – попросила я. – Ну, к примеру, Rare me, или Heart-Shaped Box?

– Ну-у.. Для этого нужен бас. – Каору кивнул на Лайта, ко-

торый растянулся на диване, покуривая вишневые вкусняшки. – А так, чтоб без баса, могу All apologies...

Я задумалась.

– У меня есть акустическая, может сойдет за бас? – предложила я.

– Тащи! – согласился Лайт с дивана. – Что-нибудь симпровизируем...

– Да уж, он это может! – пробурчал Каору, настраивая гитару. – Кэй, подкинь-ка мне свой медиатор...

Уже из комнаты я услышала, как Каору наигрывает All apologies, а Манами спорит с Кэем:

– Я спою!

– Ты?! За Курта? Не смей меня...

Когда за гитару взялся Лайт, я смотрела на него, не отрываясь. Каору играл на электрухе Smells like teen spirit, а Лайт очень старался басить, что было практически невозможно на моей вконец расстроенной и к тому же акустической гитаре. Ичиго не выдержал и припер из комнаты свои тарелки и палочки, вытворяя теперь что-то вроде импровизации с участием и тарелок, и стаканов (один из них он все-таки разколбасил), и даже столика. Кэй и Мана пришли к компромиссу и пели теперь хором, правда не очень стройно... Канаме и Мио-чан тоже пытались подпеть, хотя совсем не знали слов.

В общем, жуть что творилось. Неудивительно, что вскоре нагрянули соседи и ткнули открывшего им Ичи носом в ча-

сы (на них, между прочим, было за час ночи). Это еще хорошо, что мы так легко отделались. В Италии уже давно бы вызвали полицию. Seriously, вызвали бы! Вот что значит толерантность...

V

Ехать в Киото на выходных было решено поездом, правда Канаме при этом предлагала по пути (ну очень условно по пути) заскочит в Кобе или Нару, но все дружно отклонили это предложение – дорога и без того неблизкая.

– Ну, как же, смотрите! – Канаме упорно тыкала в карту красным ноготком, – Это же совсем рядом!

– Ну да, только совсем в другую сторону! – закатил глаза Ичиго. – Как-нибудь потом и туда метнемся, никто ведь не спешит побыстрее валить из Японии подальше от нашего сумасшедшего семейства! – последняя фраза предназначалась, видимо, мне.

– Как тебе Танабата в нашем стиле? – ехидно поинтересовалась Мио-чан.

– Весело же вы живете, если у вас каждый праздник так! – завистливо протянула я. Я говорила чистую правду – давно я так не веселилась!

После того импровизированного концерта и визита соседок, которые нас слегка утихомирили, мы решили предаться традиционному занятию на Танабата: развешиванию Танзаки на бамбуковом деревце (не удивляйтесь, было у Каны-чан дома такое!). Танзаки – это узкие полоски бумаги, на которых пишется желание и которые после вешаются на деревце.

Не знаю, что там остальные нажелали, но я захотела найти

этим летом свою любовь. Такое банальное желание страдающей семнадцатилетней души.

– А голова не болит? – заботливо поинтересовался Каору, который заскочил поглазеть на разрешение нашей дилеммы относительно поездки.

– Не-а, а должна? – признаться, я совсем забыла, что после бурной пьянки обычно болит голова.

Мы сидели в гостиной, распахнув все окна и наслаждаясь гулявшим по комнате ветерком, трепавшим карты и туристические проспекты, разложенные на столе, вокруг которого мы все и столпились. На улице было за тридцать, только ветер и спасал...

Мне надоело уже слушать их постоянные препирательства, тем более, что мне было глубоко оранжево, каким путем добираться до Киото, главное вообще туда попасть с такими попутчиками...

Я отошла от стола и легла на диван, закинув ноги на спинку. От жару меня совсем сморило, сегодня я спала, наверное, до половины первого...

В комнату Ичиги и Канаме была открыта дверь, и на меня приятно тянуло свежим ветерком. Хорошо вот так лежать, ничего не делая... Да, и слушая при этом сквозь полудрему:

– А может, вообще на машине поедем?

– А, ну конечно! Так я и согласилась! Опять завезешь нас в какие-нибудь ***ня! Я еще слишком хорошо помню, как мы на твоей машине поехали в Нагою! Больше ночевать в ле-

су у меня желания нет!

– Так это все потому, что ты посеяла карту!

– ЧТООО?! Так теперь я виновата? А кто, по-твоему, потом нас оттуда вывез? Я! Я нашла домик лесника!

– Это только потому, что ты убегала от барсука и впечаталась в лесника...

Блин, а еще громче можно? Я почти заснула...

– Может, перестанете, и делом займетесь? – Молодец, Мио-чан! Глаголь им, что... Как же там? Не восхрапи, ибо восхрапев, разбудишь рядом спящего? Нет, наверное, это все-таки из другой оперы...

– Позовем с собой еще кого? – спросила все та же Мио-чан.

– Я не против. – подала свой голос с дивана я. Все равно ведь вздремнуть не дадут!

– Можно позвать Манами с Кэем... Лайта тоже... – начал перечислять Ичи.

В прихожей кто-то тихонько поскребся в дверь. Никто бы и не услышал, если бы не я, слух у меня отменный. Seriously, гораздо лучше зрения...

– Там опять стучат...

– Ну вот, вспомни солнышко, вот и лучик! – провозгласила Канаме.

– Я думала, что эта поговорка звучит немного иначе...

– Так она и звучит! Не умничай, а дверь открой! – приказным тоном шикнула Кана.

– Сама открывай! – Ага, так я побежала! Сплю я вообще-то...

С закрытыми глазами я услышала, как Канаме, недовольно бурча, открывает дверь.

– Мы могли бы выбрать маршрут через Нару! Я там никогда не была...

Звякнул дверной замок.

– Ты, оригинал! Когда в дверь *звонить* научишься?! – Ага, быстро же она нашла козла отпущения...

– Ненавижу этот ваш звонок! – огрызнулся тот. – А что, Оне-сан сегодня не в духе?

На Лайта обрушился целый поток непечатной лексики. Ну вот, зря он ее разозлил...

Кана-чан вообще-то очень милая и добрая, правда, если ее рассердить – хавайся у бульбу, партизан! Хорошо, что она отходчивая. Минут через десять и не вспомнит, чего так разошлась...

Вдруг мне захотелось что-нибудь написать. Seriously, у меня такое часто бывает. Для того я, собственно, и купила ноутбук.

Сходила в свою комнату, притащила свой агрегат, снова развалилась на диване. За столом места уже не было, поэтому Лайт примостился на подлокотнике дивана, прямо рядом со мной. Почему на меня это как-то странно подействовало?...

Открыв Word, я слегка задумалась. Как же там?

Украдкой посмотрела на Лайта. Почему он на меня не обращает внимания? Смотрит почему-то на Мио...

Мои пальцы проворно забегали по клавиатуре.

– Хоня-чан, что ты там строчишь? – спросил Каору.

– Историю. – Гордо отозвалась я. – А начинается, знаете как? «Белые хлопья снега слетались к оконной раме, как обычно летом мошки летят на огонек..»

– Где-то я это уже слышал... – задумчиво протянул Лайт.

* * *

Следующим утром мы уже садились на поезд.

Солнце палило нещадно, а кондиционера в вагоне не было, поэтому все окна были открыты. Внутри залитого солнцем вагона гулял прохладный ветерок, который постоянно трепал мои волосы. Просто я сидела на самом ходу поезда...

Мы все же решили сделать пересадку в Наре, специально для Каны-чан. На самом деле, насколько я поняла, дорога до Киото без пересадок заняла бы примерно часа два. С пересадкой – примерно четыре, может, чуть меньше. Но это совершенно все равно: я-то, думала, что до Киото ехать чуть ли не пол дня...

Было девять часов утра, и в вагоне почти никого не было. Конечно, кто еще такой слабоумный, кроме нас, который в субботу утром встанет так рано, чтобы прошвырнуться до ближайшего культурного центра? Ох, как же я хочу

увидеть Киото! Самураи, гейши, деревянные храмы, повсюду Намахаге и Шиса...

В моих наушниках зазвучала песня *Lonely Day*. Она совершенно не сочеталась с моим теперешним настроением, и я начала щелкать переключатель в поисках чего-нибудь более оптимистичного. Серьезно, в такой день не до Системы...

Кстати, надо бы позвонить Клэр. Должно быть она беспокоится... Ведь я прилетела во вторник, а уже суббота.

Мимо окна проносились деревья. Мне всегда было очень интересно, почему у деревьев на юге ветви не такие, как у северных деревьев: вытянутые вверх. Наверное, это потому, что им не нужно постоянно выдерживать вес снега...

Манами, которая сидела у самого прохода, закинув ноги на противоположное сидение и тем самым преграждая нам путь к выходу, достала пачку сигарет. Странно это, наверное, но она выглядела совсем не по-панковски, в отличие от остальных членов группы. Сегодня, например, на ней было бежевое платье с крупным цветочным орнаментом в ретро-стиле, белые босоножки на толстеньком каблуке, ремешок которых очень элегантно обхватывал ее ножку. На коленях у нее лежала вязаная розовая сумочка с двумя ручками в виде металлических колец, а длинные рыжеватые кудри свободно разметались по плечам, у виска с правой сторо-

ны были собраны заколкой в виде гигантской искусственной розы.

– Кэй, зажигалку дай! – потребовала она.

– Это вагон для некурящих. – Кэй соорстил вредное лицо. – Так приспичило, выйди из вагона!

– Ичи?

– Слушай, ты реально достала! Для девушки ты слишком много куришь! – заворчал тот, но зажигалку все-таки вытащил и кинул Шакире. Та, поймав ее на лету, поднялась с места, окинув Кэя презрительным взглядом, вышла из вагона.

– Женщины такие странные! – пробурчал Кэй, сползая по спинке кресла вниз.

– Ну еще бы, ты не дал ей зажигалку – она обиделась! – объяснила Мио-чан. Она сидела рядом с Канаме прямо напротив меня, заполняя все пространство вокруг себя позитивом, исходившим от ее любимой маечки со смайликами. Неудивительно, что Лайт хорошо устроился рядом с ней!

В Наре мы собирались сделать пересадку, но так как не договаривалась об этом заранее, купленных билетов у нас не было. Пока Ичи побежал за ними, мы все устроились на лавочках у станционного здания, старенького, выкрашенного в небесно-голубую краску и со всех сторон заросшего вьюнком. Вы бы только видели эти старые японские станции, вы бы с ума сошли! Если вдруг вы смотрели «Унесенные призраками», то отлично представляете, о чем я.

Рядом с входом я увидела висящий на лазурной стене ста-

рый телефон-автомат. Увидев его, я инстинктивно потянулась к сумке в поисках карточки. Действительно, надо позвонить Клэр.

Я встала и подошла к телефону, ковыряясь в сумке. Перед отъездом мама дала мне какую-то волшебную карточку, по которой можно звонить в Европу из Японии с какой-то сумасшедшей скидкой. Правда, я не верю в такую халяву, и твердо убеждена, что закон подлости – единственное, что правит миром. Действительно, где же эта дрянная карточка? Ну просто не сумка, а бермудский треугольник!

Почему-то это напомнило мне мою подругу из Италии. Отличная она была девчонка, плакала, когда я уезжала... Хотя я обещала вернуться, она мне не поверила. Видит меня, как облупленную... Изабелла была моей самой лучшей подругой с тех самых пор, как мы только увиделись. Когда однажды в столовой весь класс смеялся над моим акцентом, она взяла свой поднос и вывернула его на самую противную девчонку в классе, которая и начала смеяться. Вот такая она была, моя Иззи! На уроках мы с ней только и делали, что смеялись и сочиняли истории про Гарри Поттера. Ну, знаете, такая игра, когда кто-нибудь пишет фразу, а другой человек продолжает. Серьезно, жутко смешно у нас с ней выходило! Я до сих пор храню у себя тот черненький блокнот на кольцах. И сейчас он лежит в ящике трюмо, которое я приспособила под письменный стол...

Но сначала я все же позвонила маме. Клэр не сказала

мне ничего нового, кроме того, что скучает. Рассказала мне о том, как она со своим новым парнем, с каким-то футболистом, едет отдыхать на Кипр. После этого она попросила меня все-таки вернуться однажды. И нужна я ей? Как-то не вписываюсь я между ней и футболистом, счастливо загорающими на Кипре...

А потом я все таки стала набирать номер Изабеллы. Тыкая пальцем в запавшие кнопки, я шепотом проговаривала каждую цифру по-итальянски. Ну, привычка у меня такая. Только не думайте, что я так всегда делаю, нет. Если я буду звонить в какую-нибудь доставку пиццы, ничего подобного делать не буду. Только если звоню Изе.

– Sette, uno, quarto, sei...

На том конце линии раздался щелчок.

– Si, pronto?

– Иззи... – я прижалась лбом к стене, нервно теребя провод от телефона.

– Ах, это ты, сучка, черт бы тебя побрал... – ее голос дрогнул, словно она собиралась заплакать. – Почему сразу не позвонила?... – теперь она, кажется, и правда плакала.

– Прости... – мне стало очень стыдно, и я даже не сразу заметила, что по моим щекам уже тоже бегут соленые дорожки. – Я тебя люблю...

Когда я вернулась к компании, застала всех в немного раздраженном состоянии.

– На этот поезд билетов нет! – вещал Ичиго, нервно закуривая. – Но есть на следующий, который через два с фигом часа.

– Не будем же мы сидеть тут два часа! – недовольно воскликнула Канаме.

– Конечно! – Мио-чан вскочила с места, совершила совершенно нереальный пируэт на одной ноге. – Давайте прогуляемся до Нары, посмотрим храм Кофукудзи!

– Я тоже за. – поднялся следом за ней Лайт, доставая из кармана пачку Black Stones.

Почему он все время ходит за Мио, это же не справедливо!..

Ой, что это я несу? Что плохого в том, что... Нет, ничего плохого! Или все-таки мне нравится Лайт?! Ох, что же будет, если я и правда влюблюсь в него?!

Будет то же, что и всегда: никто в здравом уме и трезвой памяти никогда не обратит внимание на меня, если рядом есть такая милашка, как Мио! Хотя она мне сама как-то говорила, что влюблена в какого-то парня из ресторана, в котором работает. Может, мне повезет, и Лайт ей совсем не интересен?... Вот черт, я уже рассуждаю, словно... Словно уже влюбилась в него. Может ли быть такое.

В Наре было просто потрясающе, я даже забыла на некоторое время про всякие грустные мысли. Там было столько разных храмов, огромных и совсем маленьких, и у всех такие забавные с моей точки зрения названия: Кофукудзи, Дайбу-

цудэн, Касуга-Тайся, Якусидзи... Но, вот что я вам скажу: сами съездите и посмотрите на все это великолепие, потому что я не могу это описать!...

Затем на станции Нара мы все-таки купили эти злополучные билеты и в три часа дня уже были в Киото.

Дальше те пару часов, что мы прогуливались по Киото, странным образом выпали у меня из головы: слишком уж большой поток информации для одного дня. К концу первого часа я уже потеряла счет всем храмам и музеям, как и перестала пытаться запомнить их названия. Я просто глазела по сторонам, жевала мороженое, которое мы с Каной-чан купили напололам. Ну, знаете, такое мороженое, с двумя палочками, его нужно разламывать на две части.

Только не думайте, что мороженое – это единственное, что я запомнила в самом старинном городе Японии. Само собой, моего внимания удостоились такие вещи, как храмы Киемидзу, Ясака, Хэйан, Золотой и Серебряный павильоны, сад камней при храме Реандзи, сёгунский замок Нидзе, старый императорский дворец Госе, загородный дворец Кацура Рикю. Шикарные это вещи, хочу вам сказать!

* * *

– Может, наконец, выпьем сакэ? – Манами недовольно поерзала на полу и закинула ноги на чайный столик.

– Подождем парней! – одернула ее Мио-чан. – Нам же

не продадут!

– Но я уже совершеннолетняя!

– По тебе этого не скажешь...

Мы валялись на полу, покрытом циновками, в нашей с Канаме гостиничной комнате. Нам очень повезло и мы нашли на ночь совсем недорогую частную гостиницу с онсе-ном¹⁴, и теперь после плескания в воде мы мирно страдали фигней. Мы с Каной-чан поселились в одной комнате, потому что я не могу вообразить соседку лучше ее. Мио-чан предпочла остаться с Маной, они как-то очень неплохо ладили в последнее время. Насчет распределения комнат у парней я не уверена, но по-моему, Лайт живет с Кэем, а Каору с Ичигио.

Вскоре появилась недостающая часть нашей компании, и все пошло как по накатанной: sake, гитара, а затем и задушевные разговоры. Если честно, я почти ничего на протяжении вечера не говорила. Сказать-то было нечего... Если меня просят что-нибудь рассказать, я сразу же впадаю в какой-то ступор и вовсе не могу рта раскрыть!

А еще все мои мысли были поглощены Лайтом. Хорошенько все обдумав, я наконец пришла к выводу, что все же он мне нравится. И похоже, что я даже влюбилась...

Мои размышления прервала Мана, которая потянулась за моей акустической гитарой (Ичигио уговорил меня взять ее с собой).

¹⁴ Онсен – горяие источники

– Сейчас Мана-химе петь изволит! – провозгласил Ичи.

– Без твоих комментариев обойдусь! – та показала ему язык.

Манами начала играть, но я не сразу узнала эту мелодию. Однако позже, когда начался проигрыш, я поняла, что она играет Cardigans – My Favorite Game.

Голос у нее оказался глубокий, немного низковатый и очень приятный. На самом деле, почти как у самой вокалистки Cardigans.

Когда она доиграла, я незаметно скрылась в соседней комнате, в которой жили Мио-чан с Манами. Эта песня, которую она играла, как-то слишком сильно растревожила мою пьяную душу, и мне даже захотелось немного поплакать.

В их комнате, в отличие от нашей, были сёдзи, которые выходили на веранду, и я сразу же настезь раздвинула их и села, спустив ноги вниз. Японские веранды очень забавны тем, что у них нет ни перил, ни чего. Поэтому можно вот так сесть и спустить ноги.

Уже давно стемнело, и небо было усеяно звездами. Я глядела на них в смутной надежде, что они до срока начнут, падая, бороздить небо. Но было еще только начала июля, и они были недвижны. Где-то внизу, в густой высокой траве, пели цикады. Много-много цикад...

В тот вечер я не переставала думать о Лайте, и даже немного тихо страдала от его невнимания. Но что же поделать, если я такая неудачница?

– Ты так любишь быть одна? – послышался за моей спиной голос Мио-чан, и через секунду она приземлилась рядом со мной. – Может, я мешаю?

– Нет, вовсе нет, даже лучше, если ты останешься...

Мы немного помолчали, и я поняла, что Мио тоже слегка навеселе. Мне вдруг захотелось поговорить с ней о чем-нибудь философском.

– А знаешь, что я подумала? – спросила я ее.

– И что?

– Люди никогда по-настоящему не живут, а лишь надеются, что будут жить.

Та пожала плечами.

– Но если привыкнуть выживать, то забудешь, как жить!

Мне стало весело от ее слов.

– Это уж как получается! Кому-то везет, а кому-то нет.

– Дело не в удаче, нужно... Нужно бороться.

Я не знала что ответить. Возможно, она права. Я ведь никогда не пробовала за что-то бороться, потому что заранее была уверена, что проиграю...

Мы опять помолчали.

– Послушай, Мио-чан...

– Да?

– Я... – немного запнулась, – Я некрасивая?

Та удивленно уставилась на меня своими черными глазами.

– С чего ты это взяла?

– Ну, ... Много всего...

– Да ты просто дура! – недовольно воскликнула она. – Ты же самая красивая из нас всех! У тебя такие потрясающие светлые волосы, а глаза – просто... Невообразимые, я таких голубых никогда не видела!

Признаться, мне было приятно слушать этот сбивчивый поток аргументов, и мне даже стало казаться, что она права.

Внезапно я прониклась к ней таким доверием, что вдруг захотелось поделиться всем, что накопилось у меня в душе.

– Я.. Хочу тебе что-то сказать. – произнесла я с торжественным видом, и Мио-чан выжидательно застыла. Она наверное, не знает, что мне подобные признания даются с колоссальным трудом, да и то только если немного выпить...

– Я... Мне.. – Ох, что же нужно говорить?... – Мне нравится Лайт!

Мио не повела себя как-то так, как я представляла: не замерла удивленно на месте, не стала смеяться или еще что-то в этом же роде.

Она обрадовано улыбнулась.

– Это хорошо. Я за тебя очень рада.

И это не прозвучало ни капельки фальшиво, она и правда радовалась за меня! Это меня очень вдохновило.

– Правда я не знаю, что он обо мне думает... По-моему, я ему ни капельки не нравлюсь...

– Да как ты можешь не нравится?

– Ну я же некрасивая...

– Ты дура, а не некрасивая! Перестань при мне это повторять!

– Ладно. Но я заметила, что... Лайт все время с тобой, и я подумала...

– Не надо думать, он мне совсем не нравится! – Миочан замотала головой. – Просто мы очень давно друг друга знаем, и все! Тем более, он встречается с какой-то девицей из академии, ее зовут то ли Рюмо, то ли Рёфу... Короче, мы это как-нибудь устроим, ложись на нас! – пообещала она.

Мне стало очень приятно, что она так обо мне заботится. Но...

– Пожалуйста, никому об этом не говори! – попросила я ее. – Даже Кане-чан... Пока.

– Не бойсь! – она закинула руку мне на плечо и придвинула к себе. – Никому не скажу, пока вы не будете встречаться!

На следующее утро мы отбыли назад в Осаку. И в понедельник я написала первый тест на поступление в Академию Искусств.

Результаты были известны уже к следующей неделе, и в среду 20-ого я пошла смотреть результаты. Как сейчас помню эту гигантскую доску в залитом солнцем дворе академии, толпы народа и это пронизывающее всепоглощающее волнение. Но...

Я не верила в чудеса. И чуда не произошло.

Пять раз я пересчитала все номера принятых студентов, но своего так и не нашла.

Почему это произошло со мной? Я ведь так туда хотела!

Хотела, но ничего не делала... Поделом мне.

Нужно было бороться...

Канаме

*...здесь нет тебя... мой город нем и глух,
Затянут долговечной паутиной
Дождей, потерь, смятений и разлук...
В них растворен надежды тихий звук,
Но нет тебя...*

I

Дождь барабанил в стекло как сумасшедший. Наверное, намеревался вышибить его ко всем чертям.

Я села на кровати и даже не удосужилась посмотреть, который сейчас час. Зачем? Я никуда не спешу.

В комнате было темно и отвратительно душно. Не в том смысле, что жарко или не чем дышать, а как-то... Душе тесно.

Все мои вещи находились в ужасном беспорядке: вся одежда, вываленная из шкафа, грудой висела на спинке стула, трюмо было завалено теперь уже совершенно бесполезными книгами, на полу валялись краски вперемешку с чем-то непонятным...

А дождь все лил и лил.

Я встала с постели и села на подоконник. Наверное, ес-

ли открыть окно и холодный отрезвляющий дождь ворвется в комнату, здесь будет не так отвратительно?

На подоконнике лежала забытая Мио-чан пачка сигарет. Я достала одну и все таки открыла окно. Но вопреки моим ожиданиям, дождь не ворвался внутрь, а продолжал косыми струями барабанить только по подоконнику. Наверное, такое место, как моя захламленная комната, стороной обходит даже дождь.

Я покрутила в руках сигарету, размышляя, что я собиралась делать. Зажигалки все равно нет. Я вздохнула и сигарета полетела вниз из окна. Я ведь не курю, жуткая это гадость.

Мой провал в поступлении меня немного подкосил. Да и не только меня – все до сих пор ходят как в воду опущенные.

А сегодня начинается август.

Я вернулась на кровать, но не стала закрывать окно. Пускай так будет...

Должно быть, сейчас примерно два часа дня. Но я все равно хочу еще поспать. Спать так хорошо, во сне все по-другому.

Но заснуть не удавалось. Я стащила с прикроватной тумбочки плеер и заткнула уши. Странно, что я не могу уснуть даже в дождь.

Пару минут спустя я услышала тихий шорох и скрип двери.

– Она все спит... – послышался голос Канаме. – Это разве нормально?

– Оставь ее... Она переживает – отозвался Ичиго.

– И как она смогла уснуть под Когн? – недовольно пробурчала Кана, закрывая дверь. Да спокойно! По моему, Когн – это лучшая колыбельная, особенно тот альбом, в котором песни Evolution и Starting Over...

Почему я такая жалкая? Совершенно не умею сражаться. Действительно, рано я сдалась.

Поднявшись с кровати, я натянула джинсы и майку, быстро расчесалась и выглянула из комнаты. В гостиной Кана-чан что-то готовила, а Мио, сидя на столе, смотрела по телику Клинику.

– Нодока, ты куда-то собралась? – удивленно спросила Канаме.

– К отцу.

– Но ведь там же дождь..

– Ничего, – бросила я уже из прихожей, – Я возьму зонтик.

Из своей комнаты выглянул Ичиго.

– Может, тебя на машине подбросить?

Я улыбнулась: неужели он и правда обо мне заботится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.